

Съем жилья было правильным решением, решил Жон пару месяцев спустя. Ну, он понял это гораздо раньше, но тем не менее, сейчас это только подтвердило эту мысль. Эмеральд обожала свою комнату и ухаживала за ней с большим удовольствием, чем должна девушка ее возраста. Она не устраивала беспорядок, как он и его сестры часто делали в своих комнатах. Также было приятно готовить поесть ради разнообразия и Эмеральд училась готовить простые блюда, идеально подходящие для тех времен, когда ему приходилось отправляться на миссию.

Конечно, она не была достаточно взрослой, чтобы оставаться в одиночестве в это время, и Жону приходилось оставлять ее в Академии Атласа, когда он уходил на задания. Он не мог представить, как Эмеральд выживала на улицах в течение восьми лет до этого, но он отдавал себе отчет, что с ней будет все в порядке в квартире, заполненной едой, в течение дня или двух, пока он будет отсутствовать. Несмотря на это, она следовала его указаниям без суеты, когда он дал понять, что другого выхода нет.

Что-то, что она принимала с гораздо меньшим удовольствием, было осознанием того, что расстояние от Академии Атласа не обязательно означает свободу от Винтер Шни. Образование Эмеральд все еще находилось в подвешенном состоянии и Винтер не собиралась отказываться от лучшего источника индивидуального обучения, который она могла получить так легко. Выражение лица Эмеральд, когда Винтер появилась у их двери, стоило миллиона льен. Выражение ее лица, когда Винтер предложила им заняться учебой в ее комнате, было бесценным.

До сегодняшнего дня Винтер так и не позволено увидеть комнату Эмеральд. Вместо этого они занимались на кухне.

К сожалению, квартира была недостаточно велика для тренировок, но поблизости был тренажерный зал, и, учитывая, что Атлас был сильно милитаризован, в спортзале были боевые площадки и стандартные арены. Именно в одной из них Жон и Винтер сошлись в спарринге, он был в защите, а Винтер атаковала. Ее навыки обращения с саблей были превосходны, но тело девушки все еще отставало. У нее не было сил, которые она имела бы, будь на несколько лет старше и такой же высокой, как и он.

Он старался не пользоваться этим, зная, что «возраст» не будет для нее хорошим уроком. Вместо этого он сосредоточился на том, чтобы парировать ее атаки и изматывать ее. К ее чести, она осознала его тактику всего через несколько минут, но к тому времени было уже слишком поздно. После короткого обмена он обезоружил ее и коснулся кромкой *Crocea Mors* ее шеи.

«Я сдаюсь».

«Хороший бой», — сказал он, когда девушка встала с колен и выдохнула. «Твои навыки улучшаются, хотя тебе нужно учиться, чтобы компенсировать твою слабость на средних и дальних дистанциях. Были ли у тебя успехи в тренировке призыва?»

«Недостаточно», — выдохнула Винтер. Гордая девушка была влажной от пота, но, похоже, ее

это не беспокоило. Она редко это демонстрировала, хотя по тому, как она действовала, он знал, что она воспринимает свою внешность серьезно. Просто она относилась к тренировкам более серьезно; настроение, с которым он более чем согласен. «Я могу призвать несколько птиц в данный момент, но это требует слишком большой концентрации, чтобы использовать их в сражении. Я решила, что отвлечение будет стоить мне слишком дорого».

«Молодец», — похвалил ее Жон. Когда они только начинали, Винтер была более авантюрной, жаждавшей похвастаться, но вскоре она поняла, что он не простой боец, он будет использовать любую возможность, которую она предоставит. Остановка в середине боя, чтобы попытаться использовать ее проявление? Что ж, ей лучше подготовиться к тому, что эта задержка станет в бою для нее последней. «Ты прогрессируешь, в сравнении с нашей последней встречи», — сказал охотник. «Набери немного роста и веса и ты будешь очень хороша в рамках своего стиля. Что касается твоего проявления, это просто тренировка. Продолжай пытаться, и ты получишь призыв».

«Спасибо, сэр».

«Я же сказал тебе называть меня Жон».

«Мистер Ашари?» — попыталась она.

«Жон».

«Мистер-»

«Просто мое имя».

«Жон, тогда», — проямлила девушка, не встречаясь с ним взглядом. Он знал, что она была приверженцем правил и четкой иерархии. «Спасибо за этот спарринг, мистер Жон», — поправила она, прежде чем он смог перебить ее. «И спасибо за все уроки тоже. Я чувствую, что стала ближе к уровню специалиста, чем когда-либо прежде».

«Кстати, почему ты хочешь стать специалистом?» — спросил он. «Я думал, что ты будешь охотницей».

Винтер сверлила взглядом землю. «Это... это личное».

«Тогда не отвечай».

Ее плечи немного расслабились. «Все хорошо?»

«Конечно. Тебе не нужно рассказывать мне все свои маленькие секреты». И он чувствовал, что

ее молчание было достаточным подтверждением. Единственное, о чем она не хотела говорить с ним — это ее семья. Хотя ему удалось несколько раз услышать от нее рассказы о Вайс и даже Уитли, она ни разу не говорила о своей матери или отце.

Он не хотел принуждать ее.

«Ты можешь пойти переодеться», — предложил он вместо этого. «Я организую транспорт, чтобы отвезти тебя обратно в Атлас».

«Я могу дойти сама», — запротестовала она.

«Да, а так же ты можешь замерзнуть. Сейчас середина зимы и метель. Даже сам Айронвуд не пойдет гулять в такую погоду, особенно если он будет измотан после тренировки. Я найму тебе такси».

Ее щеки вспыхнули еще раз, смущенные тем, что ее поймали, или, может быть, просто чтобы признать слабость, даже если это была слабость к минусовым температурам. «Спасибо, Жон. Я... я была бы признательна за это. Однако я могу заплатить».

«Чепуха. Ты помогаешь с Эмеральд уже почти два года. Немного занятий и несколько поездок на такси вряд ли искупят весь долг». И не то, что он время от времени заставлял ее сопровождать Эмеральд и его, независимо от того, насколько Эмеральд это не нравилось. Он действительно многим был обязан Винтер и когда она стала старше, он начал чувствовать себя все хуже и хуже от того, что нагло использует ее соревновательный характер, чтобы заставить ее играть роль низкооплачиваемой няни.

(да, да, оправдывай свои низменные мотивы, лолькаге!)пер.

Не то, чтобы Эмеральд примирилась с действительностью за эти два года. Фактически, Эмеральд прожигала спину Винтер взглядом, даже когда наследница возвращалась в раздевалку. Эмеральд была только что из душа и одетая, готовая к спаррингу против него.

«Ты удивительно хороший учитель», — внезапно сказала Винтер.

Жон не мог не подколоть ее. «Удивительно?»

«Я не это имела в виду...» Винтер раздражённо поняла, что он не обижен. Тот факт, что девушка ее возраста могла его раздражать, стоил еще одной вспышке смеха. «Большинство моих знакомых, которые преподают, кажутся не такими хорошими в практике, по крайней мере, те тренеры, которых мой отец мог бы нанять для меня ранее».

Он мог понять, что она пыталась сказать. Специалисты придерживались правила, что люди

становятся лучше на своей работе в ущерб остальному, и хотя миссис Грининг выглядела более чем способной в обеих ролях, у него было ощущение, что она была исключением. В конце концов, она была учителем в Академии Атласа и, следовательно, одним из лучших учителей во всем Королевстве.

Чарли, Дельта, Эхо или Фокстрот были бы плохими учителями для Винтер. Дело не в том, что у них не было навыков или техники, а в том, что им не хватало терпения, опыта и умения смягчать свои навыки и смотреть на вещи с точки зрения начинающего. Они предположили бы, что она знает вещи, которых она не знала, и изо всех сил пытались понять, почему аспекты, которые были для них просты, не так легко давались ей. Проще говоря, они были слишком хороши в том, что они делали, и забыли, что значит быть новичком.

Он был другим.

«Я не всегда был таким сильным, как сейчас, Винтер. Раньше я был самым слабым человеком, которого ты когда-либо встречала, поэтому я знаю, что такое быть недостаточно хорошим. Поскольку мне приходилось учиться каждому маленькому трюку, то знаешь, мне легче передать их тебе». И, конечно, он мог бы отталкиваться от того стиля обучения, который перенял у Пирры, перенеся его затем на Винтер.

Он помнил каждую свою ошибку. Он учился на каждой своей ошибке, понимал и преодолевал ее — и он пережил это сравнительно недавно, а не в молодом возрасте, как Руби или Янг. Это означало, что он помнил это намного легче.

«Полагаю, это имеет смысл. Тем не менее, вы могли бы неплохо заработать в качестве личного тренера или учителя».

«Может быть». Это была интересная мысль, очень интересная мысль. С другой стороны, она, вероятно, просто пыталась направить его на удобный для нее путь, чтобы потом могла нанять его. Жон рассмеялся и похлопал ее по голове, хотя измотанная или нет, ей удалось избежать этого с негодованием. «Иди прими душ», — сказал он. «Я буду ждать».

Винтер кивнула и ушла.

Эмеральд выглядела расстроенной.

«В чем дело?» — спросил он, подходя к ней.

Эмеральд отвернулась. «Ни в чем».

«Когда кто-то говорит это, он обычно не это имеет в виду». Меньше всего, когда это было сказано с таким явно расстроенным тоном. Нелюбовь Эмеральд к Винтер не была секретом, но казалось, что в последнее время она росла, особенно когда они тренировались вместе. Это

было то, что Пирра и его команда чувствовали, когда он пытался притвориться, что издевательства Кардина не существовали? По крайней мере, у Эмеральд были причины не любить ее. Много причин. «Ты знаешь, что можешь поговорить со мной, если что-то не так, не так ли? Я не собираюсь огрызаться на тебя, если ты задашь мне вопрос».

Спрашивать ее было нелегко, это было очевидно. Ее лицо искривилось, зажатое между сильным желанием и страхом, который он часто видел, но изо всех сил пытался определить значение этих гримас. Это выглядело отчаянно и тревожно и проявлялось в самые трудные времена. Большую часть времени она никогда не говорила, что случилось, поэтому он был так удивлен, когда она выпалила ответ.

«Я могу быть сильнее ее».

«Хм?»

Глаза Эмеральд опустились вниз, сосредоточившись на его ногах. Ее руки сжались в крошечные кулаки, как будто она ожидала его гнева. Тем не менее, она заставила себя говорить. «Я могу быть сильнее, чем она», — сказала девочка. «Я могу сражаться. Я могу стараться сильнее».

«С чего эти мысли?»

«Почему ты помогаешь ей стать сильной?» — спросила Эмеральд. «Я могу быть полезной — я могу быть сильнее».

«Я полагаю, ты можешь», — сказал Жон, не совсем уверенный, что она имеет в виду. «Однако я помогаю ей как способ поблагодарить ее. Она оказала нам — мне — большую услугу. Это единственный способ, которым я могу ей заплатить».

Некоторое понимание, казалось, рассвело на лице Эмеральд, хотя она все еще выглядела нервной. «Она... Винтер сильнее меня», — прошептала девочка, ее голос был таким тихим, что ему пришлось наклониться вперед, чтобы услышать это. «Она лучше меня, сильнее, быстрее...»

«Она также старше тебя и у нее было больше тренировок», — указал Жон. «Не волнуйся, если она сильнее тебя. Ты наверстаешь упущенное через несколько лет. Может быть, ты станешь еще сильнее».

Эмеральд подняла голову. Ее глаза были широкими и жаждущими. «Я буду?»

«Конечно. Я буду тренировать тебя, в конце концов».

Она наклонилась вперед, выпалив с вздохом. «Так мы продолжим в том же духе?»

«Конечно. Мы не останемся в Атласе навсегда, Эмеральд, даже если здесь хорошо. Может быть, это будет год, может быть, два, но мы уйдем и вернемся в Вейл. Я не смогу всегда помогать Винтер, вот поэтому я хочу помочь ей сейчас.

«Я пойду с тобой?» — спросила девочка.

«Да. И я буду продолжать тренировать тебя».

Еще один вздох — на этот раз облегчения. Эмеральд кивнула и хоть и не встретила с ним взглядом, но даже ему она казалась более расслабленной, менее взволнованной. Когда вернулась Винтер, у Эмеральд уже не было ни ярости, ни злости. Она терпеливо стояла позади Жона, пока он заказывал такси, одевался и даже попрощалась с Винтер. Винтер утратила дар речи, когда она услышала это и без сомнения, к ужасу вежливой девушки дверь закрылась и такси отъехало, прежде чем она смогла перебороть шок.

Жон засмеялся и похлопал Эмеральд по плечу. «Хорошая девочка. Давай, пойдем домой».

«Мы можем-?»

«Мы перекусим по пути», — сказал он.

Эмеральд кивнула. Она не улыбалась, но подошла чуть ближе к его ногам и больше не выглядела такой колючей. Жон попытался игнорировать это, чтобы не утруждать себя лишними мыслями. Мама однажды сказала, что иметь детей — это тяжелая работа, но он никогда этого не понимал. Но осознал это сейчас.

Почему Эмеральд не шла в комплекте с инструкцией по эксплуатации, и где он мог такую купить?

«Два года и все без толку».

Жон вздохнул и закрыл книгу резким движением, положив обратно на полку. Большая библиотека Атласа была огромной, частично информационным раем, частично туристической достопримечательностью и частично культурным памятником. Было свободно для доступа, но информация, которую она содержала, была разнообразна, от беллетристики до истории, языка, кулинарии и всего остального. В ней было несколько этажей, кольцевые балконы, туристические комнаты-выставки, столовые, конференц-залы и даже небольшой музей сзади.

Проще говоря, это был рай и чистилище все в одном, предлагая вам всю информацию, которая может вам понадобиться, но скрытую в большем количестве текста, чем любой человек мог бы прочитать за десять жизней. Это могло бы помочь его поиску, если бы материал, который он искал, находился в цифровых архивах — к которым был доступ с терминала — но так как он искал древние цивилизации, сказки и легенды, весь его материал был в традиционной форме книг. Зачастую очень старых книг.

Как однажды сказала Пирра — Жон был не лучшим, когда дело доходило до бумажной работы.

«Здесь должно быть что-то. Я просто смотрю не в тех местах».

Легенды и сказки мало что раскрыли, или они раскрыли, но то что он знал и так. Жон довольно легко нашел легенду о Девах, она не была точным секретом, но не было ничего большего, чем то, что Озпин уже говорил ему и он на самом деле знал гораздо больше, чем книги в этом отношении.

Итак, Жон перешел к поиску «Реликвий» или какой-либо информации о них — что само по себе было тупиком. Или не тупик как таковой, а паутина несвязанной информации. Термин «Реликвия» был слишком двусмысленным, поэтому он в конце концов углубился в книги, содержащие археологические находки, разбитую глиняную посуду и фрагменты древнего оружия. Он мог бы там остановиться, но если бы Реликвии были из древней цивилизации, как намекала Салем (и само слово «Реликт»), то это все равно могло бы пригодиться. Это было хоть какой-то зацепкой.

Проблема заключалась в том, что это было довольно расплывчатое руководство и оказалось, что археология не была такой же эзотерической, как сказки. Они не были сведены в один удобный сборник детских легенд, а скорее тысячи или более книг, написанных археологами и историками различного мастерства. И эй, Ублек был автором нескольких таких книг. Его старый профессор — извините, доктор — никогда не упоминал об этом раньше.

К сожалению, ни Ублек, ни другие авторы, которых он прочитал до сих пор, не принесли ничего полезного. В то время как существовали теории и мифы о цивилизации, которые возникли раньше, это было довольно естественное развитие мысли, люди и фавны использовали старое оружие, такое как копья и мечи, прежде чем они медленно развивались и адаптировались к промышленности и металлургии. По сути, просто более примитивная версия того, где они были сейчас.

«Тогда они никак не могли сделать что-то вроде Реликвии». Жон застонал и позволил своей голове несколько секунд биться в тихой агонии о стол. Снова, книги не были его вещью. Где был Рен, когда он был так нужен?

Еще один день, еще один тупик. Жон посмотрел на гигантские часы в центре библиотеки — откровенно чудовищную вещь, которая высилась от пола до потолка, с восемью разными циферблатами, чтобы их можно было увидеть под любым углом. Было уже почти пять, и он пообещал Эмеральд сегодня вечером кое-какие тренировки, а это значит, что ему лучше

вернуться вовремя, чтобы приготовить ужин.

Когда он покинул большую библиотеку, разочарование было приглушено. Он делал это уже два года, и прошло четыре месяца с тех пор, как он и Эмеральд переехали в их маленькую квартиру. Из дня в день, когда его не было на заданиях, он приходил в библиотеку для исследований. Даже если он ничего не нашел, он знал, что сужает границы поиска. У него было десять лет — или восемь, сейчас — и было бы высокомерно думать, что он может все исправить за несколько недель. Жизнь не была такой удобной, что означало много кропотливой работы и долгих ночей. Он был близок к прорыву, он был уверен.

Его ноги повели его по знакомому маршруту домой, ветер, как всегда, кусал, но не настолько, чтобы нужно было ловить такси. Мужчина натянул свой меховой капюшон на голову и вышел на более широкую улицу, пешеходную улицу с магазинами, выстроенными по бокам. Он хотел остановиться и купить Эмеральд что-то по пути.

Но улица была заполнена, и не в обычными покупателями. Там собралась большая толпа с поднятыми над головами транспарантами. Были слышны крики и лозунги. Плакаты носили разные сообщения, но одно повторялось больше, чем любое другое, либо на флагах, либо на деревянных знаках. Это была белая эмблема на синем фоне — рычащая пасть, окруженная белым кругом.

Белый Клык...

Плечи Жона напряглись. Здесь уже, в открытую? Он посмотрел налево и направо, задаваясь вопросом, где были солдаты Атласа и почему никто не останавливал это. Толпа собралась рядом, чтобы посмотреть, и никто из них, казалось, не осознавал опасности. Два фавна увидели его и оторвались от толпы, двигаясь к нему. Они не были в масках, но на одежде у них был символ Белого Клыка.

Когда они приблизились, правая нога Жона откинулась назад, тело наклонилось в бою. Двое увидели это и вздрогнули. Теперь они нервничали, по понятным причинам. Глаза Жона уставились на них, но он не видел никакого оружия. Вообще никакого.

Центральный фавн сглотнул и сделал шаг вперед. Улыбка, которую он носил, была нервной, как будто он ожидал, что он нападет в любой момент.

«Вот, сэр», — сказал он, протягивая что-то. «Пожалуйста, возьмите это».

Это был просто флаер.

Ни бомба, ни нож, ни пистолет. Это была поспешно сделанная листовка, напечатанная на чьем-то компьютере и заполненная информацией о несправедливости по отношению к фавнам и предлагаемым законодательными изменениями от Белого Клыка для обеспечения равенства в Атласе. На переднем снимке изображен фавн, и человек стоял рядом, улыбаясь, обхватив друг

друга за плечи.

«Ах».

Белый Клык. Старый Белый Клык, мирная организация, которая не хотела ничего, кроме равенства. Жон съежился и обернулся, но два фавна уже двинулись дальше, оставив его позади, чтобы почувствовать себя самым большим придурком, которого только можно представить. Они, вероятно, подумали, что он такой же расист, как и другие.

«Черт возьми, Жон» Он вздохнул и положил в карман флаер. Самое меньшее, что он мог сделать, — это положить его туда, где его могли бы найти другие, или, может быть, научить Эмеральд читать сквозь строк на его примере, чтобы у нее не было вредных привычек. Эти люди не были его врагами. Они были просто обычными гражданами, мечтающими о лучшем будущем.

Это не продлится долго.

Он понятия не имел, когда Белый Клык станет жестоким, но он знал, что они будут. Эта демонстрация, этот протест, эта мирная увертюра и предложения об изменениях ничего не значат. Это было... более печально, чем он предполагал. Расизм не казался большой проблемой в его время в Атласе, но теперь, когда он подумал об этом, он не видел ни единого фавна с тех пор, как прибыл. Команда November в этом плане была полностью человеческой. Среди преподавателей Атласа их так же не было, и он не видел ни учеников, ни водителей такси, ни работников ресторанов, ни владельцев магазинов — фавнов.

Итак, где они все работали?

Нет, не делали бомбы...

Конечно, нет...

«Расизм не всегда в вопиющем воспевании ненависти и бросании камней», — однажды сказала ему Блейк. «Чаще всего это тонкий, коварный и довольно часто подсознательный уклон. Большинство людей даже не осознают, что делают это».

Жон снова вздохнул, на этот раз проведя рукой по лицу. Было ли это тем, что он мог изменить? Наверное, нет, понял он. Он понятия не имел, когда Белому Клыку станет плохо, и хотя он мог пойти в Менаджерии и найти родителей Блейк, он не мог сказать, как он убедил их не доверять своим собственным людям. Кроме того, это означало бы отсутствие Блейк в Биконе, и это могло бы иметь каскадный эффект, который привел к гибели ее команды.

Возможно, он мог бы попытаться предложить некоторые изменения Айронвуду. Это было единственное, о чем он мог подумать, хотя даже тогда он знал, что это никогда не дойдет до

конца. Он не думал, что Айронвуд будет заботиться о видах вообще — но Айронвуд все еще был связан политикой, и все влиятельные люди в Атласе не видели вещи одинаково. Если бы Айронвуд попытался ввести права фавнов, он бы потерпел неудачу в повышении в должности до генерала, и тогда кто-то намного хуже, с гораздо меньшей заботой о своих гражданах — людских или иных — взял бы на себя контроль.

Это может разрушить будущее. Ремнанту нужен был Джеймс Айронвуд. Откровенно говоря, мир нуждался в нем больше, чем в Жоне Арке.

Протест сейчас разгоняется. Пришла полиция, и, хотя протест сам по себе не был незаконным или насильственным, они все же заставили его уйти, хотя, к счастью, не насильственными средствами. Они протолкнулись к лидеру, отвели его прочь, а затем медленно начали пикетировать других и толкать их, только с фавнами, которые бурно реагировали — а некоторых из них — арестовывали. Похоже, семена насилия прорастают даже сейчас. Когда слова и устремления к миру ничего не дают, человеческая природа пытается выбрать более прямой путь.

К сожалению, так думали не только фавны. Хотя власти вели себя корректно, многие зрители смеялись и бросали оскорбления, в то время как другие бросали бутылки или камни. Фавны была прикрыты солдатами Атласа, где они могли быть, но некоторые камни ударили по ним, и крики боли только, казалось, только подогревали разъяренную толпу.

«Животные!»

«Возвращайтесь в свой Зверинец!»

«Вам здесь не рады!»

Некоторые из оскорблений были мерзкими, «собачья» тематика была популярной или просто меняли первую часть на тот тип фавна, какой хотели оскорбить. Кому-то нравилось верить (конечно, ошибочно), что фавны были рождены от людей, гуляющих с животными. Это была та разновидность безосновательной теории заговора, которую любили использовать расисты, чтобы убедить себя, что их действия оправданы. Это было жалко, и в некотором смысле он не мог не задаться вопросом, была ли у Белого Клыка правильная идея. Не с точки зрения терроризма, но одни только слова не изменили бы вещи. Адам, вероятно, был прав, говоря, что первая итерация Белого Клыка не зашла достаточно далеко, но проблема заключалась в том, что он зашел слишком далеко.

Что-то привлекло его внимание в толпе, или кто-то точнее. Это был пучок волос черного цвета с двумя черными ушами сверху, темными шортами и мелким, но гибким телом.

«Блейк...?»

О да. Это была она. Она участвовала в протесте, маленькая и сердитая, с плакатом, даже когда

ее утащили с несколькими другими мелкими фавнами. Камень ударил мальчика слева от нее, и он упал с испуганным криком. Солдат Атласа двинулся, чтобы защитить его, оставив Блейк открытой.

Жон уже двигался. Он прошел мимо разъяренной публики, успев в последнюю секунду, когда увидел брошенный камень. Блейк тоже это увидела и попыталась уклониться — только для того, чтобы оказаться зажатой между телами взрослых. Ее руки поднялись, чтобы защитить лицо. Это было слишком далеко, слишком быстро. Он не успевал добраться до нее. Рассерженный, Жон подался вперед, откинул пальто и потянул Стосеа Morgs. Клинок поднялся, перехватив камень и отклонив его на три дюйма от маленького лица Блейк.

Звук и вид оголенной стали принесли абсолютную тишину.

Жон теперь стоял спиной к Блейк. Он не мог видеть ни ее, ни выражение ее лица, но это было хорошо. Вместо этого его взгляд был сфокусирован на разъяренной толпе, даже когда его пальто затрепетало там. Теперь он полностью раскрыл свою чистую белую форму, которую носил, серые сапоги по колено, золотую отворотку, декоративную мантию, которая упала с его правого плеча до локтя, прикрепленного к воротнику с золотой застежкой. Это была не униформа, созданная не для боя, а скорее предназначенная для того, чтобы произвести впечатление и показать свое звание. Он носил ее только потому, что она вписывалась к библиотеке, а его старая одежда разваливалась на части, но у формы была тенденция заставлять людей останавливаться и смотреть. Полезно в данной ситуации.

Все вокруг узнали форму. Солдаты вокруг него стали выше и приветствовали его, сплотились за ним. Люди в толпе нервно переглядывались, и единственное слово, похожее на шепот, было слышно в тишине.

«Специалист...»

«Солдаты, уведите членов Белого Клыка в безопасное место», — сказал Жон. Он не хотел ничего иного, кроме как увидеть Блейк, поговорить с ней, но она не знала его — не доверяла ему — и ситуация все еще была слишком нестабильной. «Ни один фавн не должен пострадать под вашей защитой». Он повысил голос. «Они являются гражданами Атласа и пользуются такой же защитой, как и все здесь присутствующие».

Это принесло немалую долю шока и протестов. Фавны, казалось, почувствовали облегчение, некоторые были довольны, некоторые смущены, но толпа усугубила ситуацию. Оскорбления и крики, где их бросают, а также случайные камни, которые так и не достигли его. Жон кивнул ближайшему солдату, показывая, что должен выполнить свои приказы и оставить здесь толпу. Человек начал отгонять фавнов, и Блейк поглотила толпа.

Жон явно вызвал недовольство среди граждан, некоторые даже начали швырять ему оскорбления в лицо. Любитель животных. Предатель. Правительственный заговор. Расист. Конечно, были иные способы разрешить этот конфликт, но он выбрал именно такой. Специалист поднял меч перед собой и толпа вновь замолчала.

«Те, кто обижен этим, должны подойти и сказать мне это в лицо».

Толпа неловко перемешалась, замолчала, и ни один человек не двинулся вперед. Несколько пробных «заходов» были кинуты в его сторону, но и только.

«Никто? Или вы просто трусы, которые кричат, не осмеливаясь показать свои лица? Легко спрятаться за стеной людей и зарыться, как дикое животное. Вы называете их животными, но все, что я вижу перед собой, это стая бешеных собак». Жон вздохнул, когда никто не осмелился ответить. «Расходитесь по домам. Подумайте о том, что вы делали здесь сегодня, если вы можете даже думать об этом. Сегодня вы разочаровали Атлас и показали себя не с лучшей стороны».

Толпа разошлась. Они шептали оскорбления и едва скрываемые насмешки, но без Белого Клыка у них не было причин оставаться. Нет, если они не хотели на самом деле напасть на специалиста, что в лучшем случае было бы самоубийством. Жон мог сказать, что сегодня у него не прибавилось друзей, возможно, даже среди Белого Клыка, участники которого просто посчитали его вмешательство как способ сохранения мира. Тем не менее, он не жалел об этом. Во всяком случае, он сожалел, что это должно было случиться вообще.

Жону едва удалось сдержать свой гнев, когда он достиг своей квартиры и Эмеральд. Последнее было важно, так как Эмеральд по-прежнему внимательно следила за его настроением и, скорее всего, спряталась бы в комнате, если бы она подумала, что он на нее злится или что она может разозлить его. Он стоял за дверью и делал глубокие вдохи в течение добрых полутора минут, думая о более приятных мыслях о Биконе и о том, насколько со временем Блейк будет абсолютно нормальной и довольной. В конце концов его улыбка вернулась, и он позволил себе войти.

«Привет», — покорно молвила Эмеральд.

«Привет, Эмеральд», — повернулся он, улыбаясь. Запах еды попал ему в нос. «Ты готовишь?»

«Ты сказал приготовить немного поесть», — нервно сказала она. Он заметил стол, на котором было несколько коробок с едой и две тарелки.

«Ты-?» Жон рассмеялся. Трудно было не смеяться «Я имел в виду, что ты могла бы что-то для себя», сказал он. «Тебе не нужно было делать это для меня». Он ожидал, что она воспользуется дополнительными свободными деньгами, чтобы купить себе сладости, но она их потратила чтобы заказать еды им обоим.

Но это было к месту, и он был голоден.

Он похлопал ее по голове, заставляя ее остановиться в середине извинения. Она посмотрела на него сквозь пальцы. «Спасибо, Эмеральд. Я голоден, и это было очень заботливо с твоей стороны».

Она кивнула. Она не улыбалась, но стояла чуть выше, и ее щека дернулась. Возможно, если присмотреться, то можно было заметить намек на радость. Прямо здесь и сейчас этого было достаточно. Они сидели за обеденным столом и спокойно ели еду на вынос. Это было блюдо из Вакуо, наполненное специями и ароматными запахами, пища, которую Эмеральд любила больше всего на свете, так как это заставляло ее вкусовые рецепторы работать на полную. Когда они закончили, девочка собралась взять тарелки, но он остановил ее, сказав, что приберется.

Конечно, Эмеральд пыталась спорить, но он сказал ей, что это было как благодарность за то, что она подумала о нем и приготовила ему поесть. Казалось, она приняла это и пошла в свою комнату, чтобы прочитать книгу, которую он ей купил.

«Позволить десятилетнему ребенку купить еду для тебя...» Он покачал головой и засмеялся. «Ты должен заботиться о ней, Жон. Не наоборот».

Ему нужно было сделать что-нибудь приятное в качестве благодарности — может быть, даже подумать над тем, чтобы подобрать девочке оружие, поскольку у нее еще не было подходящего. У него было мысль, чтобы сделать это, прежде чем он покинет Атлас, так как их металлургия была одной из лучших в Ремнанте. Он сложил тарелки в раковину и наполнил их горячей водой, позволив им немного отстояться, прежде чем он вернется, чтобы помыть их.

Мужчина складывал пустые коробки в мусорное ведро, когда воздух позади него вздрогнул. Сросеа Morgs был у двери, но через секунду в его руке оказался кухонный нож. Он развернулся, готовый к бою, но его глаза расширились от красно-черного портала, который кружился в гостиной его квартиры.

Через него рухнула фигура, ударившись о деревянный пол и развалившись у него на кухне. Портал прекратил свое существование, и женщина — одетая в красное и черное с белой костяной маской — осталась лежать неподвижно.

Это была Рейвен.

И ее кровь обильно заливала паркет.

«Блейк, ты...?»

«Я в порядке», — выдохнула Блейк, дрожа, как лист. Теперь они были за пределами Атласа, наконец-то собравшись вместе с другими членами Белого Клыка. Ее глаза горели слезами не от гнева или боли, а от последствий ее страха. Она оглянулась на своего собеседника. «Но ты, твое лицо — Адам!»

«Все в порядке». Это было не так, но парень смог остаться спокойным, вытирая кровь с того места, где камень ударил его. Между его глазами был зазубренный порез, и она не была уверена, что он заживет, не оставив ужасного шрама. «Я просто рад, что ты в порядке».

Ее глаза снова вспыхнули. Он всегда волновался за нее.

«Атлас так же плох, как и везде», — прорычал Адам. «Все королевства. Это несправедливо, это не правильно, это не работает».

«Адам, мы не можем так говорить», — прошипела Блейк. Она оглянулась, чтобы убедиться, что никто не мог ее услышать. «Ты знаешь, мой папа...»

«Твой отец не ведет нас должным образом!» Мальчик присел, когда Блейк вздрогнула. Он коснулся ее щеки, не обращая внимания на то, сколько крови стекало по его собственной. «И это не твоя вина, Блейк. Я извиняюсь за вопли. Я просто... я просто злюсь».

Блейк кивнула, доверяя ему безоговорочно. «Я знаю. Нам... нам повезло, что этот человек был рядом, чтобы помешать им сделать что-то хуже».

«Он был специалистом», — сказал Адам.

«Специалист? Но они нас разве не ненавидят?»

«Очевидно, не все, или он нет». Адам хмыкнул и сел. «Я бы поблагодарил его за то, что спас тебя, если бы мог. Если бы кто-то осмелился ударить тебя, я бы сразу напал на них, несмотря на пожелания твоего отца!»

Блейк села рядом с ним и сунула руку в карман. Она достала маленький носовой платок и Адам закрыл глаза, позволяя ей стереть кровь с его лица. Он никогда не позволял никому так близко находится к нему, но их связь, их доверие были больше, чем с кем-то еще.

«Ты не можешь решить каждую проблему с помощью насилия», — упрекнула она друга. «Так всегда говорит моя мама».

«Не так ли, Блейк? Разве это не то, что он только что сделал?»

Девочка колебалась.

«Он приказал толпе и заставил их остановиться. Он отбил камень, который мог бы поразить тебя, угрожал толпе, а затем заставил солдат благополучно забрать нас». Голос Адама повышался до предела, когда тот волновался, и, несмотря на все ее желания, несмотря на все, что она знала, Блейк почувствовала, как ее сердце также стало биться немного быстрее. «Он принес мир!»

«М-может быть...»

«Не может быть, Блейк. Абсолютно точно. Никто не пострадал после того, как он пришел. Он прекратил насилие, прекратил ненависть — и он сделал это не словами, а действием. Он не стал рассусоливать с ними. Он поставил их перед фактом».

Адам был прав, отрицать это было невозможно. Мужчина стоял перед ними и прекратил волнения, прежде чем это могло усугубиться и он не сделал этого логикой и убеждением. Он остановил толпу, показав им простым и ясным фактом, что если бы они попробовали, он причинил бы им гораздо больше боли.

Это действительно был путь вперед? Это звучало неправильно, но то, что он сделал, было не так плохо, правда...?

Конечно, специалист использовал насилие, но на самом деле он не использовал его. Он только что угрожал и сделал это, чтобы предотвратить худшее насилие. Может быть... может быть, они могут быть такими же. Может быть, они могли бы сделать то же самое и обойти красную линию. Это не было неправильно, если они делали это для хорошего дела, верно?

«Хорошо», — прошептала Блейк, вызвав шокированное выражение лица у Адама. Она хихикнула и вытерла еще немного крови с его лица. «Ты прав, Адам. Может быть, было бы лучше, если бы мы что-то сделали. Я... я думаю, что я с тобой. Нет, я знаю, что я с тобой».

Улыбка Адама стоила целого мира, и когда он взял ее руки в свои, девочка поняла, что ее слова значат для него то же самое. Они сделали это, и вся боль, которую он пережил, стоило того. «Однажды я переделаю Белый Клык, Блейк», — пообещал парень. «Я превращу организацию во что-то другое. Я позабочусь, чтобы каждый человек в Ремнанте знал наше имя. Это я тебе обещаю».

Блейк верила ему.

Она действительно в него верила.

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1781130>